

Кодекс провинциального поэта

Так случилось, что существует Российское государство (во что часто верится с трудом). В нем среди прочего наличествует российская культура: российское кино, российский театр, российское (то есть недоамериканское) актуальное искусство тоже существует; даже российская проза уже есть. А вот российской поэзии нет. И не будет. Потому что наша поэзия может быть *только русской*. Таковой она и останется до конца просто по факту своего языкового рождения и неизменяемых законов внутреннего развития¹. Формально русская поэзия оперирует русским языком, конфликтующим с русской речью, томно изнывающей от интонационной просодии. Но на самом деле русская поэзия занята тем, что генерирует и поддерживает в рабочем состоянии *невостребованную надежду* на создание ангельского языка, способного порождать ангельские мысли, чувства, многоступенчатые ангельские образы, а также представления об ангельской жизни и ангельской смерти. Возможности для этого у поэзии не самые выдающиеся, но, как говорится, чем богаты... Ангелом может стать любой человек, преодолевший промежуточное (с точки зрения духовной эволюции) состояние, называемое в простонародье «личностью». Что конкретно последует после этого мне, честно признаюсь, не известно, но ничего плохого, кроме хорошего – это уж точно.

Странным образом всё, что обычно человека разрушает, – тоска, предательство, потери, отчаяние, любовная драма, болезнь – в поэзии становится самым прочным строительным материалом. И по большому счету поэты в первом приближении делятся на тех, кто строит из этого материала памятник надежды и кто – монумент своей гибели (исключительно последним, кстати, занимались лидеры русского рока, на чем и погорели). Но задача поэта – не строить. Его задача – изменить себя при помощи писания стихов, а уж какие стихи в результате этого получаются, – дело десятое (а не десятое, так – пятое или третье – не более того). Ну а вопрос, каким образом не самая важная функция поэзии (то есть ее твердый остаток в виде стихов) стал для нас наиценнейшим и наиважнейшим показателем ее существования, – из той же логики, по законам которой выход человека в космическое пространство стал источником производства околосемного мусора и возможностью отследить и каталогизировать информацию, какой рукой мы подтираемся у себя в сортире.

Недоощущение самим поэтом основной задачи поэзии – практически норма. Поэт до сих пор думает, что это он выдерживает рыбу-стихотворение из небытия (блеск и трепыхание оной должны, по его мнению, производить неизгладимое впечатление на зрителей этой спортивной рыбалки), тогда как процесс если

¹ Смысл существования разных культур лежит не в плоскости демонстрации их толерантного наличия, а в плоскости взаимодействия их непреодолимых различий. Любой народ интересен не только (даже не столько) тем, что им создано. Его жизненная энергия питается, да и определяется потенциалом еще не реализованного. Этот потенциал можно угадать в поэзии (а можно и не угадать, если завод по производству портативных «угадалок» уже модернизировали местные реформаторы).

и происходит, то с точностью до наоборот. Это текст призван вытягивать художника из творческого хаоса и гранулированной структуры бытия в сферы, где возможна духовная динамика. Это тексты в состоянии предложить своему «автору» иной сценарий развития души. Это они подсказывают своему «богу», что он – не бог. Но почему-то происходит невозможное: занятие творчеством (при редких исключениях) не только не делает художника лучше, но и низводит его до состояния очевидной деградации, подчас необратимой. После этого нужно либо признать, что утверждение о «возможностях поэтического мышления» несостоятельно, либо допустить, что художники попросту не умеют, а главное – не хотят использовать эти возможности по назначению. Зато при этом другие люди (что неожиданно, но не случайно), не владеющие продуктивным (в смысле, производящим стихи) поэтическим мышлением, то есть читатели = наблюдатели поэзии, напротив, часто результативно используют «чужие сценарии развития души». И хотя у них это желание закамуфлировано под всякую муру типа эстетического удовольствия, но они по законам какой-то волшебной технологии используют чужую поэзию, чтобы стать лучше, больше, интереснее, даже *немного бессмертнее* себя, просто при этом «почитывая стишки». Впрочем, обычное дело и у читателя (наблюдателя за стихами) – непонимание смысла происходящего с ним: люблю эти стихи, они хорошие, не люблю те – они плохие... К сожалению, попытка использовать в процессе личной эволюции чужие сценарии – сродни попыткам пересадить в домашних условиях, например, почку или даже сердце. Шанс, что приживется, есть, но он невелик. Получается, что механизм хоть и работает, но не набирает критических оборотов, чтобы стать необратимым. Именно поэтому люди перечитывают «любимые» стихи. В «удовольствии от перечитывания» скрывается попытка вновь приклеить на ментальный скотч оторгнутую «почку», заставить ее работать, что практически невозможно, но иногда случается, а значит, экспериментальный смысл в этом есть, и чудо (технология ангелов) может помочь ему иногда стать фатальным.

Отдавая себе отчет в том, как можно диагностировать выше озвученную тарабарщину, всё же позволю себе утверждать, что главный вопрос существует, и на него каждому участнику процесса придется ответить: «Поэзия – это уровень сознания или эстетически адаптированное мракобесие?». За любым ответом обязательно последует радикальное решение. Ничего не делание – одно из радикальнейших, ибо открывает «сезон гибели возможностей».

В случае УПШ мы имеем дело с идеологическим совпадением «отрицательного места» с «отрица-

тельной сущностью» в образе провинциального поэта (п/п). Минус на минус дают не плюс, а крест: его можно поставить на себе, а можно на нем повисеть, то есть поставить себя на его место. Последнее великолепно потому, что, когда ты ставишь себя на место креста, на нем никого уже нельзя распять.

В самом начале своего бытия п/п с врожденной нерешительностью вязнет в болоте гадкой альтернативы: «Что важнее – призвание или признание?». И дело не в примитивной логике, подсказывающей, что признание наступает после реализации призвания, а в том, что после того, как художник двинется по пути призвания, проблема признания исчезает сама собой, и ее продуктивное невозвращение зависит от элементарной бытовой дисциплины. Но п/п умудряется сделать по шагу сразу в обе стороны, то есть создает условия для духовного разрыва, конфликтность которого начинает управлять процессом, со временем заменяя сам процесс. Помогает ему увязнуть в этом сраме и мания собственной избранности, и безделье, оправдываемое мифом о профессионализации искусства вообще и поэзии в частности, и придумывание корпоративных врагов, культивирование которых со временем окончательно делает невидимыми врагов настоящих.

«Москва»

Стремление п/п реализовать свои (даже не знаю, как сказать) способности, амбиции, творческие возможности в Москве (Нью-Йорке, Париже, в районе Альфа-Центавры) связаны только с качеством социальной адаптации и желанием карьерного роста. Неплохо бы при этом отдавать себе отчет, что карьерного роста в рамках поэтического мышления, которое расшифровывается, как «попытка долго жить, а не долго умирать», не существует.

Впрочем, понять п/п можно: «Москва» предлагает систему оценок; издательские, премиальные, комментаторские (критикой я это не назову) ресурсы, подтвержденные «сертификатами подлинности». К тому же финансовая подкормка художника в «Москве» не идет ни в какое сравнение с провинциальным финансовым застоем: его в провинции просто нет. Соблазняет и наличие многопрофильной публики, способной развлекаться даже такими казусными с точки зрения развлечения вещами, как стихи. Иллюзия значимости происходящего в «Москве» для п/п – грандиозна. Смешно, что и для самих «москвичей» эта иллюзия тоже реальна. Грандиозность иллюзии и формирует ее реальность, точнее – равна ей. Помнится, как пусть не без иронии один из самых профессиональных московских культуртрегеров писал будущему столичному жителю примерно следующее: «Ссора в Челябинске поэта

А. с прозаиком Б. – быт. Ссора поэта М. с прозаиком Д. в Москве – это культурный контекст, и ты обязан в этом ориентироваться». Впрочем, в последнее время достойные всяческого уважения столичные культурные деятели (видимо от широты душевной) взяли моду утверждать, что большой разницы в продвижении столичных и провинциальных писателей не существует, что все они равны перед законом «вкуса просвещенной публики», и что этому есть как подтверждение (приводятся несколько фамилий, не могущих образовать даже первоначальной парадигмы), так и предрасположение (тут акцент делается на интернет, о законах и целях развития которого вышеупомянутые гуманитарии при всем уважении имеют самое приблизительное представление). Достаточно просто посмотреть статистику и тиражи изданий, линейки лауреатов статусного премиального фонда, присутствие на зарубежных книжных ярмарках, выставках, всяческих встречах по международному культурному обмену, за которыми следуют переводческие возможности и прочие инфраструктурные показатели, – и всё становится ясно, как божий день, что у провинциалов на этот счет – довольно темная ночь. С другой стороны, позиционирование этой ситуации уже провинциальными культуртрегерами как разговор со стороны «столичного бомонда» – тоже не находит очевидного подтверждения². Разумеется, всяческое «кумовство», национальные лоббирования, даже фрагменты убогой коррупции, как и политический заказ в той или иной степени, присутствуют, но в большей мере тут действуют деперсонифицированные законы замкнутых корпоративных пространств с иерархическим зонированием в своей основе.

Если вы хотите вкусно есть, сладко спать и млеять под взглядами поклонников, возможно попросту не стоит выбирать основным видом деятельности литературу или, в крайнем случае, не стоит использовать ее для достижения подобных целей. Цель творчества – действительно, самоотдача: отдача самого себя самому себе, чтобы получить в результате Самого Себя. Читатели тут ни при чем и деньги тоже. Для этого процесса годится абсолютно любое нетрагическое пространство. Провинция не трагична, а печальна и скучна – прекрасное место для строительства чего угодно и когда угодно. Творчество делает человека больше его самого. На этом фоне пытаться оказаться внутри очень большого предмета (например, в Москве) и думать, что ты от элементарного пере-

мещения сам становишься больше, – наивность, граничащая со слабоумием, поскольку очевидные законы сомасштабности утверждают обратное. И добавить тут, как говорится, нечего.

Деньги

Данная проблема разрешима, если рассматривать ее технологически, а не параноидально. Изначально надо понять, что поэтическое творчество – это очень частное дело сугубо частного человека, имеющее цель обрести «свободу развития» (с ударением на втором слове в начале процесса и перемещением этого ударения на первое слово в его конце). Попытка соединить приятное с полезным тут не прокатит. За свободу в цивилизованном обществе денег не платят. В нём платят как раз за передачу части (сколь угодно большой) своей личной свободы (экономической, профессиональной, моральной и т.д.) в чужие руки. Допустимая «элегантность» этого мерзкого обмена и говорит об уровне «цивилизованности». Поэтому надо заранее вывести свое творчество из-под такой коррекции извне. Для этого придется отвоевать пространство для «свободного развития», обеспечив его финансовую независимость. Разумеется, эта независимость будет дотационной. Тут два пути. Первый: получение востребованной профессии (можно назвать ее «кредитной»), понимая, что на это потребуются и время, и силы. Второй: кардинальное снижение личных потребностей (ставящее под сомнение даже создание семьи), и возможность довольствоваться неквалифицированным трудом для заработка, что частично высвобождает время и силы. В обоих случаях обретение произойдет через потери. И этот закон не обойти. Зато попытка профессионализации поэтического творчества приведет к драматическому прожитию этого пути, который уже столько раз показал свою несостоятельность. Одна только идея избранности поэта чего стоит! На ее идиотскую демонстрацию и постоянное присутствие «за кадром» тратится такое количество сил и времени, что на другое их часто не остается. Декларация же избранности носителя «поэтического дара», его «мистического превосходства» над теми, кто его лишен, – дерзкая попытка поставить *убожество* на место *божества*.

Власть

Отношение художника с властями предрежащими – тема сложная только в одном случае: если художник пытается оправдать, примирить, как-то

² Подливает масло в этот искусственный огонь абсолютная неосведомленность представителей московского информационного (даже экспертного) пространства в деталях любого провинциального пространства. И уровень этого невежества поражает своей нецивилизованной дикостью, притом что любой провинциальный культурный деятель находится в зоне удовлетворительной компетенции, что касается профильного ему московского контекста.

структурировать технически и морально подобную практику общения. И она кристально ясна, если художник во имя чистоты жанра своего бытия отказывается от *производственного* контакта с властью. Сама идеология власти – враждебна поэтическому мышлению. Представители власти, какими бы они расхорошими ни казались, – всегда будут действовать в ущерб большинству людей, потому что являются паразитами на теле народонаселения, прокламирующими при этом свой паразитизм как структурную необходимость под названием «государственный строй». После наверняка временной дискредитации социалистической экономической модели возобладавшие капиталистические наперсточники демонстрируют модель глобального поведения, провоцирующую в людях только низменные инстинкты соревнования, кичливости, подлости с вопиющей вакханалией лжи и морального каннибализма. Изуродованная своей продажностью власть в лучшем случае выполняет роль химчистки для замывания наиболее заметных кровавых пятен, появившихся в результате этого поведения. Капитализм – экономический зомби, жить он уже не может, но способен заражать своим ядом окружающих, а нанятые «комментаторы» призваны внушить, что рваные движения трупа и есть наиболее передовой способ спортивной ходьбы к светлому будущему. Если кто-то из художников желает вступить в лабиринт к минотавр, чтобы попытаться обернуть праздничной фольгой его рога, то это не может не окончиться тем, чем кончалось всегда. В лучшем случае – он будет поднят на *рога успеха*, в худшем – сам станет микроминотавром. Но как быть художнику, которому необходимы деньги на реализацию своих идей? В мире существуют три вида денег – бюджетные, частные и личные. К примеру, даже эта книга значительной своей частью сделана на бюджетные деньги. Проанализировав доступную мне информацию о финансовом обеспечении изданий поэтических книг уральских авторов за последние 15 лет, я пришел к выводу, что подавляющее большинство (более 80%) из них так или иначе спонсировало государство (напрямую или через связанные с ним источники), 12% – личные деньги и 8% – спонсорские средства. Положение дел подсказывает вывод, что так или иначе в контакт с властями вступать придется. Этот контакт будет называться попыткой законного изъятия бюджетных средств группой лиц для культурной фиксации этапов духовного развития населения. Кто эта группа лиц? Это психологические камиклады. Посмотрите на продюсерскую группу хотя бы «Энциклопедии УПШ». Все эти люди положили массу своего времени, энергии, отнятую от наверняка куда более насущных дел, испытали при этом естественную в таких случаях брезгливость,

порождающую в организме депрессию, на время убивающую психическую свободу... При этом ими было потрачено много собственных средств, аккумулированных как в профессиональные навыки, так и в весьма значительные личные денежные вливания. Стоило всё это достигнутой цели? Ответ не очевиден. Способы добычи средств для культурных акций существуют. Их немного. Потери от участия в их процедуре тоже существенны и просчитываемы. И каждый художник должен решать сам, пойдет ли он на это или же нет. Ни то, ни другое не есть ни хорошо ни плохо, а просто либо есть, либо нет. Единственный совет: при начале любого дела у инициаторов должны быть личные средства (профессиональные, идеологические и финансовые), которые позволят в случае тщетности потраченных усилий на «законное изъятие» все-таки реализовать задуманное хотя бы в иные сроки и в урезанном варианте.

Алкоголь. Наркотики

Все инсинуации, что алкоголь и тем паче наркотики расширяют творческое сознание, – очевидны. Продолжают утверждать эту чушь либо дебилы, либо латентные и явные наркодилеры. А те, кто производит эту мерзость, будут гореть в аду вместе с двумя поколениями своих потомков. Творчество же – это приглашение к жизни, к жизни иной, то есть той, которой еще не было. Алкоголь/наркотики укорачивают любую жизнь, причем по известному всем примитивному (даже без вариаций) сценарию. Убивающий жизнь не может ее продолжать. Отсюда вывод: алкоголь/наркотики и творчество несовместимы по векторам развития. Художник, употребляющий эти смертельные стимуляторы, обрекает себя на примитивные художественные и бытовые штампы и клише, которые бродят на поверхности его стремительно деградирующего подсознания. Его деградация может приниматься не критическим сознанием даже за динамику творческого процесса. Разумеется, до поры до времени. Те известные персонажи, имена которых озвучивают «творческие синяки и синявки» для своей убудочной аргументации, годятся для того, чтобы задуматься, что в идеале могли сделать эти люди, если бы у них хватило элементарного достоинства, чтобы не бросить свой дар (смысл существования которого только в передаче его другим) в мерзость алкогольного/наркотического угара. Все стимуляторы, раскрашивающие убогими акварельками нашего подсознания серые будни бытия, всего лишь демонстрируют невозможность человека жить с тем, что есть у него внутри. Когда человеку становится скучно самому с собой, он приглашает в себя «иных». Среди «иных» можно назвать даже феномен дружбы, которая традиционно рассматривается как нечто абсолютно позитив-

ное (таковой по сути не являясь), но чаще всего «праздником» служит употребление стимуляторов. Тому, кому не интересно жить с самим собой, нечего предложить и окружающим, раз то, что он может предложить самому себе, его не устраивает. Тематическая убогость, выпрашивание/ требование у судьбы предпочтений, истерическая имитация любви, презрение к публике, чьево восхищения истово добиваешься, маргинализация личной философии, ненависть к коллегам – вот парадигма «приобретенный» поэта, меняющего свой дар на «интерес к жизни». Никакого цивилизованного употребления стимуляторов не существует³. Либо ты с ними и как художник примитивен, либо ты без них и у тебя есть шанс после первого творческого кризиса, связанного с истощенностью традиционных тем и положений, сделать рывок к личным темам, к личной идеологии, к личному пути.

Слава

Современный российский книжный рынок может «поглотить» определенное количество поэтов. Очень определенное. Цифра тут ни при чем. А причем – факт ее жесткого наличия. Ну, допустим, это 100 имен. Русских среди них 80. Классиков 60. Современных 20. Все, кто не вписался в этот наполовину произвольный периметр, – могут войти в него только в качестве «проекта», т.е. при помощи ракетносителей медиа-присутствия, спланированных информационных поводов и т.д. Но даже это не гарантирует продажи, тем более длительные⁴.

Что же касается некоммерческого аспекта, то есть внутрикорпоративной известности, то процедура достижения оной не в силах учитывать уровень дарования поэта начиная с 6-й цифры по десятибалльной системе оценки таланта, так как порог компетенции групповой аксиологии выше подняться не может в принципе (рассматриваем идеальный вариант без отрицательного человеческого фактора, который резко может понизить цифру порога). Цели достижения славы, помимо неэффективности, если сравнить затрачиваемые усилия с полученным результатом, окружены нимбом безобразия. Быть знаменитым – безобразно. Буквально: это состояние лишает человека образа, оставляя только *лицо*, мумифицирующее со временем в *личину*.

Суицид

Мысль о суициде – это банальное продолжение мысли о собственной исключительности. Суицидальные наклонности – норма. Тот, кого эти мысли не посещают, скорее всего, уже мертв. Но совершенный суицид – это самое подлое деяние по отношению к себе, к тем, кто нас любит, ко всей неорганике Вселенной, которая неизмеримыми усилиями и жертвами вдохнула в молекулярные цепочки непонятую нами даже в первом приближении идею жизни. Волны суицидальной симптоматики преходящи. Их надо научиться переживать, как мы научились переживать транспорт, прежде чем перейти улицу. Мысли о суициде – это карьеры психики. Существует элементарная душевная гигиена, позволяющая снять этот «налет», ведь умирать от него попросту стыдно. Даже – позорно. Героизация суицида в художественной среде – следствие патологического недопонимания целей и возможностей творчества. Думаю, если бы мы только представили, как сожалеют самоубийцы о содеянном, ужасу нашему не было бы предела.

Молчание

У каждого поэта, если мы имеем дело с развивающимся поэтическим сознанием, а не с инкапсулированной инфантильностью, наступает срок (не может не наступить), когда необходимость в продолжении писания текстов иссякает. Большинство поэтов рассматривают это естественное положение дел как драму. Волевым усилием они продолжают продуцировать тексты, смысл существования которых утерян. Нередко лучшие поэтические тексты написаны поэтом тогда, когда поэтические смыслы окончательно покинули его творчество. Но опыт владения поэтическими клише (в том числе самими поэтами изобретенными), умение манипулировать ментальными возбудителями читательского интереса и прочая наработанная годами практика манипуляций словами позволяют поэту совершать тотальный самообман, дезориентируя и себя, и наблюдателей своей поэзии. Репродуцирование собственных штампов – самый лучший период для литератора и самоубийственный для поэта. Даже чтение литературы поэт начинает использовать не как источник чужих открытий, а как стимулятор для собственной графомании, доводя ее иногда даже до уровня культурного события. Молчание поэта

³ Пьющие люди не бывают трезвыми, они бывают непьяными, что, согласитесь, не одно и то же.

⁴ Мы выяснили, что на Урале за последние 10 лет авторских поэтических книг вышло гораздо больше, чем за любые 10 лет существования местных Союзов писателей при Советской власти. Зато проигрыш идет по тиражам и продажам, а также в части проникновения в другие поэтические культуры через переводы. Проще говоря, с точки зрения социалистической концепции существования и целей литературы наша литература как факт практически не определяется.

– это логика его развития. Не замолчавший поэт состоявшимся поэтом назван быть не может.

Кодекс провинциального поэта

Если бы существовал такой кодекс, то он бы мог выглядеть примерно так:

- п/п должен быть всегда трезв;
- п/п должен быть экономически свободен; лучше если «кредитная» профессия не синхронизировалась бы с литературой, потому что филолог-поэт – это всё равно, что сталева-р-балерина;
- п/п должен принять свою судьбу и не пытаться подменить ее карьерной автобиографией, поскольку биография – это то, что меняем мы, а судьба – то, что меняет нас;
- издав свои первые две книги, п/п должен приложить все усилия, чтобы издать **как минимум две** книги своих товарищей, у которых на это не хватает сил и возможностей;
- п/п никогда не должен вступать ни в какой сговор с властями;
- п/п не должен совершать самоубийство;
- п/п должен оберегать животных;
- п/п должен понимать, что московские поэты тоже провинциалы, поскольку также далеко отстоят от конечной цели своего пути, как и п/п, хотя не всегда догадываются об этом, поэтому (в качестве бонуса) нужно относиться к ним сочувственно;
- п/п не должен путать поэзию и религию;

- п/п должен содействовать тому, чтобы церковь была отделена от поэзии;
- п/п должен уметь замолчать;
- п/п должен всем, и никто ничего не должен ему;
- ну и еще примерно сорок три с половиной пункта.

* * *

Истина может существовать только в периоды, маркированные некоторыми вполне определенными характеристиками. В те же исторические (временные) периоды, когда эти характеристики образуют, так сказать, неполный комплект, истина не может возникнуть в принципе. Но если учитывать другой принцип – принцип неопределенности, то истина все-таки *немножко возникает*, образуя нечеткое размытое свечение в поэтических текстах и еще (что гораздо ценнее) в поэтических судьбах.

Человеком нельзя управлять. Это слишком неопределенный объект. Можно управлять его сильными чувствами. Ненавистью. Гневом. Чувством вины. Этим занимаются политический и финансовый олигархат. Средними чувствами – печалью, нежностью и предчувствием любви (не самой любовью) управляет поэзия. Что из этого может следовать? Ничего, кроме ответственности, которая для нормального художника не груз, а крылья.

В. Кальтиди